А. А. ЗИНОВЬЕВ

За что боролись, на то и напоролись (из выступления в Клубе Интеллектуалов в Париже 30.11.1978)

Сейчас для большинства думающих людей реальная картина советского общества более или менее известна. Известны факты массовых репрессий в сталинские времена. Известно, что в Советском Союзе отсутствуют гражданские свободы. Не нарушаются, а именно отсутствуют. Известно, что чрезвычайно низок жизненный уровень большинства населения, что огромных размеров достигает разница в жизненном уровне высших и низших слоев населения, что процветает карьеризм, взяточничество, халтура, очковтирательство. Известно, что население прикреплено так или иначе к местам жительства и работы, что пошлость, тупость и насилие пронизывают все клеточки и ткани общества. Все это хорошо описано в критической литературе, которая производится сейчас в изобилии и играет весьма существенную роль. И даже западные коммунисты уже не отрицают того, что сложившийся в Советском Союзе строй жизни похож не столько на рай земной, сколько на перманентный кошмар. И теперь возникает вопрос куда более существенный: а откуда все это появилось? Неправильно истолковали Маркса и построили общество, которое не соответствует его прекрасному идеалу? Так ведь больше ста лет истолковывали, десятки тысяч людей этим занимались. Неужели все ошибались? В Советском Союзе десятки тысяч дипломированных специалистов занимаются истолкованием марксизма, да к тому же делают они это, само собой разумеется, творчески. И что же, все ошибаются? Или наоборот, может быть, все это получилось именно потому, что правильно истолковали Маркса и сделали именно то, чего он и хотел? Может быть, такая мерзость получилась именно потому, что послушались Маркса, а вот если бы не послушались, так получилось бы лучше? Или группа заговорщиков захватила власть,

изнасиловала несчастный, добрый народ и навязала ему такой нелепый образ жизни? Ведь есть же люди, которые думают, что советский народ немедленно сбросит свою власть, если ему дать свободу избрания или неизбрания этой власти. Или нехорошие люди пробрались в руководство и исказили прекрасные ленинские принципы?

Подлинный социализм построен в Советском Союзе или неправильный, подлинный коммунизм или нет, достроенный или недостроенный, коммунизм или социализм, марксовский или ленинский, ленинский или сталинский — все это спор о словах. Я лично считаю, что построили именно то, что хотели построить. Все лучшие чаяния лучших умов и сердец прошлого воплотили в жизнь сполна. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись[1]. В общем и целом построили правильно. Конечно, кое-что не предусмотрели. Частью — потому что не могли предусмотреть, частью — потому что не хотели, хотя и догадывались. Зачем, в частности, было предусматривать кровавый террор после революции?! Народные массы тогда могли и не воплощать в жизнь свои чаяния. В общем-то, народные массы все равно сделали бы то, что они сделали. На то они и массы. А чаяния стоили того, чтобы несколько десятков миллионов врагов и друзей (главным образом — последних) передушить. Но тут, надо полагать, был теоретический недосмотр. Повторяю, построили то, что хотели. Построили по плану, в полном соответствии с мудрыми указаниями вождей и чаяниями масс. Более того, ничего другого и не могло построиться. Построиться могло только это, ибо огромные общества строятся по определенным социальным законам, о которых, между прочим, основатели марксизма и их нынешние последователи даже не подозревали и не подозревают. Строилось на самом деле все естественно-историческим путем, а вожди и руководители действовали по традиционному принципу: «А что я вам говорил?!» И ничего другого построиться не может. И если нечто подобное будет строиться здесь, на Западе, построится все равно нечто советско-образное. Будет, конечно, какая-то непринципиальная разница. Известно, что феодализм во Франции был мягче российского. И коммунизм здесь будет, возможно, мягче. Ну, хотя бы потому, что здесь нет своей Сибири. Когда основатели марксизма выдвигали идею коммунистического общества и обещали построить земной рай, они не думали о том, что именно воплощение в жизнь самых лучших чаяний человечества, самых светлых идеалов, породит те страшные мерзости, которые уже стали очевидным фактом и относительно которых уже есть полная уверенность, что они неслучайны. Наши недостатки суть продолжение наших

достоинств. Те недостатки, которые обнаружились в жизни коммунистических стран, столь же естественны и натуральны, как и ее достоинства. Возьмем такой факт, как массовые репрессии после революции и при сталинизме. Что это такое? На мой взгляд, это и есть народовластие в реальном его исполнении. Это и есть подлинная свобода, доведенная до предела. Это — власть народа. Общественная жизнь — очень сложное явление. И такого рода парадоксы можно в ней наблюдать на каждом шагу. Самое предельное насилие над личностью в рамках этого общества вырастает именно из заботы о личности. Социальное неравенство в коммунистическом мире не уничтожается, а только меняет форму и становится более острым, чем в странах западной демократии. Социальное неравенство вырастает именно из того, что реализуются принципы равенства. Это можно доказать, произведя соответствующий анализ общества. Словом, для того чтобы разобраться в том, что происходит, чтобы выяснить — случайно это или не случайно, будет это повторяться или нет, надо исходить не из мечтаний прекраснодушных людей столетней давности, не из обещаний демагогов, не из партийных программ, не из заклинаний пророков, а надо исходить из реальности, которую мы имеем.

Мне часто возражают: «Маркс говорил», «Маркс обещал»... Ну скажите, кому я должен больше верить — Марксу, который жил сто лет назад и не имел представления, что такое коммунистическое общество в реальности, или самому себе, который вырос в коммунистическом обществе и прожил в нем 56 лет? Кому я должен верить — шестидесятилетнему опыту коммунистической страны, опыту многих уже коммунистических стран, или партийным программам, которые, кстати, можно менять в зависимости от ситуации. Уверяю вас, когда речь идет о власти, эти партии могут наобещать все, что угодно. Они могут даже не только от диктатуры пролетариата, но и от первичности материи отказаться. Разумеется, я предпочитаю верить самому себе, своим собственным глазам. И призываю к этому других. Но исходить из реальности — этого еще мало, потому что по-разному можно подходить к самой реальности. Вот несколько примеров такого рода. Приезжают иностранцы в Советский Союз, заходят в церковь, видят — молодежь молится, венчаются пары, ребенка крестят, а там и тридцатилетний бородатый интеллигент окрестился... Факты? Факты. И вывод кажется очевидным: в России происходит религиозное обновление, русский народ возвращается в лоно православной церкви. Или — в Советском Союзе сейчас невозможно найти человека, который не поносил бы советский образ жизни. Все критикуют. И как критикуют! Многие партий-

ные чиновники критикуют советский образ жизни похлеще, чем диссиденты. Это тоже факты. Какой вывод порой делают из этих фактов? Пора свергать советскую власть! Ее же все критикуют! Или еще один факт: в марксизм в СССР никто не верит. Действительно, мало кто верит. Хотя все сдают экзамены на пятерки, а между собой говорят: это же примитив. Так вот: если в марксизм никто не верит, идеология рухнула, значит, общество должно распасться. А общество стоит, крепнет из года в год, процветает (со своей точки зрения). Так в чем же дело? Значит, одних фактов мало. Факты нужно определенным образом понять. И существует определенная техника понимания фактов. Все-таки мы живем в конце XX века, века науки. И просто глупо не использовать разработанные наукой средства понимания происходящего. В наше время заклинаниями и призывами не отделаешься. Нужно серьезное, кропотливое исследование реальности. Иначе просто запутаешься. Иначе можно выдвигать всякого рода программы, которые будут вспыхивать, вызывать сенсацию и вскоре исчезать.

Говорят: чтобы понять коммунистическое общество, надо выяснить, как оно формировалось исторически, рассмотреть историю его становления. Но существует тривиальный методологический принцип: если мы не знаем, что появилось, то бессмысленно выяснять, как оно появилось. Надо знать, что именно появилось. И лишь после этого и на основе этого выяснять, как же оно появлялось. Без этого всякий исторический подход лишен смысла. И я могу сформулировать такое, на первый взгляд, еретическое утверждение: именно исторический подход к такому обществу, как советское, закрывает всякую возможность его понимания. Почему?.. Шла история. Люди влезали на броневики, произносили речи, захватывали оружейные склады, телефонные станции, ставили к стенке, стреляли, носились с шашкой наголо на коне с криками «ура» — это неслась история. А в это время незримо, незаметно, где-то в обществе зрело то, что я называю социологией. Ведь чтобы Чапаев мчался с шашкой и в развевающейся бурке, должна быть канцелярия в дивизии, а в канцелярии надо столы расставить, а за эти столы посадить людей. Нужно было бумажки выписывать, печати ставить, штампы какие-то... И когда драматическая история пронеслась и дым развеялся, выяснилось, что именно из этого получилось, что именно осталось от истории. Контора осталась. История умчалась в прошлое, а контора с ее бумажками, печатями, скукой, званиями, распределением по чинам, волокитой, очковтирательством и прочими прелестями осталась. Надо, повторяю и подчеркиваю, брать общество в том виде, как оно сложилось и существует на наших глазах. И тогда будет

понятно, зачем носился Чапаев с шашкой наголо: отнюдь не для того, чтобы спасать страждущее человечество, а для того, в частности, чтобы чиновники из аппарата всех сортов власти (ЦК, КГБ, Академии наук, Союза писателей и т. п.) могли на персональных машинах ездить в спецраспределители за продуктами, которых нет в обычных магазинах, приобретать шикарные квартиры и дачи, пользоваться лучшими курортами и достижениями медицины...

Считается, что советское общество еще в пути к светлым идеалам, еще не дошло. Вот дойдет (а осталось совсем немного — мы уже в развитом социализме!), тогда и будет все то, о чем мечтали, и не будет ничего того, о чем не мечтали. Эта позиция по меньшей мере наивна. Есть законы формирования типов цивилизаций[2] («кристаллизации» общества), неподвластные даже ЦК КПСС и КГБ. С точки зрения исторического времени цивилизации складываются почти мгновенно. Порой бывает достаточно нескольких десятков лет. Причем цивилизация складывается сразу в том виде, в каком она будет существовать века. Конечно, мелкие перемены и усовершенствования будут происходить. Но существо ее останется незыблемым. Причем сама по себе она не содержит внутри себя причин, разрушающих ее. В Советском Союзе коммунистический тип общества уже сложился и достиг зрелости. И подлинная натура его определилась полностью. Будущее вряд ли прибавит к этому нечто принципиально новое. Можно показать, что даже принцип «каждому — по потребности» тут реализовался. Правда, в несколько парадоксальной форме: «каждому — по его социальному положению». Но это нормально, ибо «разумные» потребности каждого определены его социальным положением.

Есть, повторяю, определенная научная техника понимания таких сложных явлений, как многомиллионные общества. В частности, чтобы понять общество такого типа, как советское, надо начать с выделения элементарной клеточки этого общества и исследования ее. Клеточка общества — самая малая его часть, обладающая наиболее существенными чертами целого, можно сказать — общество в миниатюре. Возьмите любой институт, фабрику, завод, совхоз, магазин, школу, больницу и т. п., и вы там обнаружите все то, что определяет картину общества в целом: насилие коллектива над индивидом, распределение по принципу социального положения, карьеризм, лицемерие, двоемыслие, халтура. Карательные органы страны, которые кажутся стоящими над «народом» (что это такое?!) и чуждыми ему, представляют собою на самом деле органы насилия коллектива над индивидом, обобщающие в масштабах страны реальное положение индивида в обществе. Не будь этих специальных организаций, при каждом

учреждении страны завели бы свои карательные группы и тюрьмы. Я по своему личному опыту знаю, что такое карательная мощь сослуживцев, коллег, друзей. В этом обществе на самом деле они — высшая власть. Уверяю вас, если бы расправу надо мною поручили бывшим моим коллегам, друзьям, сослуживцам, я давно висел бы на веревке в Москве на Волхонке, 14. Там есть удобный для этого дворик, в середине которого есть клумба. В либеральные хрущевские времена в центре этой клумбы росла чахлая кукуруза, так и не достигшая стадии молочно-восковой зрелости.

Советское общество есть скопление сотен миллионов людей (а с учетом смены поколений — миллиардов), совершающих миллиарды поступков. Допустим на минуту такую абстракцию. Пусть в обществе достигнуто полное изобилие продуктов потребления, пусть откуда-то льется поток их в общество. Все, что угодно: дорогие меха, кольца, бриллианты, вареная колбаса, негнилая картошка, коньяки, баранина, куры, джинсы, колготки, квартиры... Но ведь народ разбросан на большом пространстве. Надо наладить как-то распределение, охрану и хранение. А это предполагает специальных людей и специальные органы. И, значит, вы все равно получите сложную, иерархизированную первичную организацию. И у французов, и у русских, и у китайцев, и у камбоджийцев. И эта организация будет подчиняться общим социальным законам. Других законов не существует. В этой связи вспоминается курьезный случай. Как-то в Москве вели спор на эти темы интеллигенты, и они сформулировали проблему в такой, несколько риторической, форме. Если уж ты такой умный, сказал один интеллигент другому, то представь себе, что тебя поставили во главе правительства и дали тебе всю полноту власти. Что ты сделаешь, чтобы ничего подобного в Советском Союзе больше не было и вся жизнь выглядела бы так хорошо, как хотелось бы тебе? И другой интеллигент ответил: первым же декретом своим я бы передал всю полноту власти тебе. Я этого человека понимаю. Короче говоря, тот общественный строй, который имеет место в Советском Союзе, сложился вполне естественно, в полном соответствии с социальными законами. Это не есть нечто вымученное или выдуманное злыми и глупыми людьми. Если бы дело обстояло так, что это продукт насилия какой-то кучки людей, продукт обмана, это было бы хорошо. Но, увы, это не так. Когда я говорю, что это — естественное состояние, это не значит, что я считаю это состояние хорошим. Лично мне оно не нравится. Но оно естественно в том смысле, в каком естественной является вода в качестве среды существования рыб или пустыня для змей. Это — социальная пустыня. Но тут из года в год, из поколения

в поколение происходил и происходит отбор индивидов, которые могут жить в этой социальной среде. То есть здесь человек приспосабливается к среде, а потом сам начинает эту среду воспроизводить. Получается замкнутый круг. Поймите, птицы могут сказать рыбам: «Как прекрасно в воздухе, полетим с нами!» Но ведь рыбы не могут летать, они плавают... Что же в конце концов остается в этом, казалось бы, безвыходном положении? Я намеренно так остро формулирую свою позицию не с целью запугать людей или сказать, что сопротивление бесполезно. Наоборот, я считаю, что я выражаю в некотором роде мужскую позицию, а именно такую, когда говорят: «Ребята, отступать некуда, мы окружены, будем сражаться до последнего!» И вообще, в общественном развитии рассчитывать на какие-то партии, на каких-то вождей, на пророков, на чье-то прекраснодушие — абсолютно бессмысленно. Человек должен рассчитывать только на самого себя, на свою способность к сопротивлению. Причем для того, чтобы произошла хотя бы маленькая эволюция в условиях этого общества, нужны годы и годы, десятилетия и десятилетия, нужны жертвы, нужна борьба. Без этого ничего не получится. И к счастью, дело обстоит таким образом, что это общество, естественно, порождает недовольных и людей, способных к сопротивлению. И эта борьба уже началась. Сейчас она приняла формы диссидентского движения. На мой взгляд, это самое значительное явление в социальной истории Советского Союза со времени революции. Явление более серьезное и значительное, чем космические полеты, чем атомные бомбы. И уж тем более гораздо более значительное, чем выход в свет очередного эпохального труда Брежнева о том, как он осваивал целинные земли.